

Игорь Шестков "Из дневника"

ИЗ ДНЕВНИКА

Книга, рассказ – сеанс самоэкзорцизма. Очищение от демонов. Нет, не в высоком смысле. В низком. Недаром меня не читают. Кому нужны чужие демоны, когда и со своими жить тошно?

Нет... я их не гоню, они сами... бегут в разные стороны... двойники... Только пятки сверкают. Потому после окончания рассказа – я одинок как смоковница. Отдал им свою жизнь. А они – рады радешеньки от меня отделаться.

Мои герои... Сколько их? Куда их гонят? Что так жалобно поют? Сколько же я выгнал из себя чертей? На всех ни свиней не хватит, ни обрывов. Иногда, впрочем, они возвращаются.

Получил вчера звонок из Москвы.

Звонил мой литературный герой. Женя Бесноватый из рассказа «На Пасху».

Ну да, я его убил в конце текста. Хрястнул затылком по металлической ручке сидения в электричке. А что мне было еще с ним делать? Римской папой назначать? Или как Войнович со своим придурком Чонкиным – в Америку посылать, на ферму (вот уж фигня, так фигня)... Ну, нет! Я все ваши параболы-гиперболы в гробу видал, в белых тапочках. У меня ухо остро! Не потерплю! Виноват, виноват. Но убил я его, господа присяжные, поверьте старичку-сиротинушке, только для того, чтобы текст заострить, чтобы в рассказе произошло нечто фатальное, необратимое и жуткое, после чего можно с легким сердцем какао пить и предаваться изнеженности нравов... а повествование тихонько так на нет свести. Завершающими аккордами. Вроде как Шопен в ноктюрне до-диез минор. С приятным сознанием выполненного долга... освободиться от ответственности за героя и его дальнейшую судьбу (далее пяти страниц нет сил тащить на горбу такую тяжесть) и заняться своими делами, марки посмотреть, белье постирать, прогуляться по бульвару... Убил по закону жанра, как бы. Облегчил читателю окончание чтения, проявил заботу о человеке. И стал убийцей. Поставил точку. А так хотелось поставить тире.

А в реале Бесноватый – на тебе – жив и здоров. В свои 80 лет. Чему я, признаться, очень рад. Пусть люди только в кино и в литературе умирают, а в обычной жизни – живут по 1000 лет, здоровые и счастливые.

...

В чем секрет графомании?

Что побуждает писателя в наше безумное время садиться за компьютер? Тратить время на коммерчески все более и более бесперспективный, не уважаемый более в обществе, нелегкий труд писательства...

Мне кажется ответ прост. Писателю хочется находиться в тексте. Ему в нем приятно. Слегка преувеличивая, можно утверждать, что ему только в нем и хорошо, а вне его плохо. Ему невыносимо грустно покидать мир, который он сам создал. Хотя, казалось бы, весь рассказ автор только и делал, что пытался как можно дальше убежать от самого себя... раскалившись чужими страстями. Ведь текст, это прежде всего составленная из буквочек, знаков препинания и пробелов – среда обитания нашего брата, бумагомарателя. Не только автора. И многочисленных его двойников. Но и его антиподов. И, разумеется, милых игрушек – существительных, глаголов и прилагательных, персонажей, метафор. Текст это наш настоящий дом. Наше поместье, дача, лаборатория, наша территория, заколдованное место, на котором происходят непредвиденные встречи. Не антитеза, синтез. Храм нашей собственной религии, алтарь для особых жертвоприношений, подиум для мистерии...

Карнавал для посвященных.

Текст – это словесный сад, или пустырь, или город (строчки – улицы, абзацы – кварталы), или целый континент.

Место, где нас вроде бы и нет, но мы есть... где все возможно, и все позволено. Перекресток миров. Собственная галактика «на кончике пера». Монада, теплица, роддом, в котором непрерывно рождается новая, чужая, независимая от автора и от правящей партии жизнь.

Там подсознательное вливается в сознательное. А надоевшая нам рутина предстает в своем истинном, потустороннем обличье. Там автор постоянно создает персонажа, а персонаж – автора.

...

Что вы такое говорите, скажет матерый читатель-оптимист мужского пола, консерватор, умеренный шутник, проглотивший за свою жизнь половину библиотеки Конгресса.

Нет, нет и нет! Текст – это всего лишь место для охоты на личные местоимения!
Ха-ха!

И потрясет своей очкастой головой, как двустволкой.

Текст – это место любви, застенчиво проговорит его постаревшая Ева, проглотившая вторую половину библиотеки Конгресса. Это альков! Шатер. Свадьба. И нежно погладит сизо-розовую обложку любовного романа.

Нет, проворчит ученый-литературовед, написавший за свою долгую жизнь не одну дюжину многословных книг. Нет, книга – это кладезь знаний! Нарративные пространства... Дискурс-анализ... И любовно посмотрит на свою библиотеку, которую после его кончины с удовольствием выбросят в мусоропровод его потомки-неучи.

Идиоты, веско срежет знаток всего, текст – это прежде всего дорога для колесницы сознания, строка, длиной в километр, по которой надо проехать или проскакать, от слова к слову, от смысла к смыслу... По пути можно и поохотиться, и заняться любовью, и умные мысли пособирать, и метафорами насладиться, и местоимения попинать, и вволю повуайеристничать... Не запачкавшись, так сказать, чужой плотью. Ведь буквы не пахнут. Ну, как счастливый пастушок. Флейту в губы и давай свистеть.

...

Совет автору-сидельцу.

Понимаете, вы пишете в вашем дневнике – я имею в виду тексты о первой отсидке – голую неприкрытую правду. Такие тексты предлагать читателю, это все равно, что кормить его сырым мясом. Да еще и подтухшим – пусть себе жрет. Я понимаю, что вы пережили. Но охотников читать отчет о правде нет. Все и так знают, что российская тюрьма и лагерь – это ад на земле, причем ад особенный, национальный.

Литература начинается там, где реальное зверство заканчивается. В тексте – все более или менее наоборот, как в лубке. Бык свежует мясника. Мыши хоронят кота.

Почему удался Дон Кихот? Потому что он смешон, неловок, он идиот. Так же как и князь Мышкин. Почему хороши Ставрогин и Онегин? Потому что они убийцы и мерзавцы. Так же как и Печорин. Почему невыносимо скучны Пьер и князь Андрей? Потому что они хорошие люди.

Чтобы интересно написать о тюрьме надо поставить все с ног на голову. Надо найти в себе силы на иронию по отношению к себе и на сочувствие к последним тюремным гадам. Надо найти парадоксальные сюжеты, гротескные истории. Иначе проза будет скучной.

...

Лейтмотивы... невербальные сущности... скользят себе сквозь текст. Их трудно определить, невозможно описать... невозможно и за хвост поймать... и тем не менее именно они своим присутствием и задают тон всему массиву слов.

Массиву? Карнизу, готовому сорваться и упасть в пропасть, унося с собой и автора и его жалкие потуги... Ведь идти-то приходится по краю. Рисковать. Нечто почти прозрачное, или призрачное.

Они – хоть и случайные гости, но хозяева рассказа. Ради них все и пишется. Да, да – по хорошему тексту всегда бродят призраки, как ревизор по «Ревизору» или сам Царь в маске Наполеона по «Мертвым душам» в проклятой Богом тираноцентричной русской литературе.

Ну, а мы их поганой метлой...

...

Роман, написанный больше ста лет назад Фёдором Сологубом – ключик к русской жизни, к русскому человеку последующего столетия.

Гений писал: В искусстве должна быть приподнятость.

Немцы говорят например так: В этом фильме нет эспри...

Федор Сологуб писал прекрасные стихи, в которых и приподнятости и эспри – половником хлебай. А в прозе предпочел опуститься в нижние миры полусмерти... Потому что в России ты можешь, конечно, долго себя обманывать и жить например в стихах Тютчева, в музыке Чайковского или Рахманинова, или в картинах Левитана или Кандинского, но потом... свинцовая мерзость отечества утянет тебя в глубину ада.

И тут уж выбора нет. Бога нет. Ничего нет, кроме нежити. Об этом роман

«Мелкий бес».

А советским продолжением этого текста стала проза Хармса, наконец напечатанная в России.

Романы Аксенова, Битова... – это попытка убежать от героев Хармса и Передонова или... раскрасить их внутренней свободой (самообманом раба), лирикой, интеллектуализмом и так преодолеть этот ужас. Русскую правду. Попытка эта не удалась, и проза постаксеновская пытается нахрапом раздуть абсурд до критического, вселенского размера (Сорокин) и так взорвать этот баллон с выхлопными газами. Но и это не удается. Передонов не преодолен. А Недотыкомка смотрит нынче на мир тухлыми глазами президента...

...

Весело было. Ванька в рояль насрал.

Проговорил я это однажды по-немецки, в компании немцев.

Сказал и сам глупо рассмеялся. Потому что для меня вся Россия в этих шести словах помещается. Со всем скверным, плохим, хорошим и даже со всем русским космизмом... и русской идеалистической философией от Соловьева до Флоренского и обратно. Немцы посмотрели на меня косо. А фронт!

Что для русского здорово, то для немца карачун.

...

Начинающему литератору.

Не хотел вам это писать... Понимаете, если вы начнете сочинять – придется все остальное похерить. Ведь писанина сродни жертвоприношению.

ВСЕ сгорает на жертвенном огне творчества. Иногда это – семья, иногда и профессия и вообще все наши потуги как-то устроить приличную жизнь. Жизнь писателя – жизнь неприличная. Попрошайничество. Тюрьма и сума.

Все разлетится в прах. Это очень серьезно. И кошмарно неотвратимо. Помните об этом – литературой нельзя заниматься «в свободное время», «по выходным», «между другими делами»...

Это или – испепеляющая страсть, служение... или мыльная пена дилетанта, литературного профанатора... Компромисса нет и искать его бесполезно.

В том-то все и дело – что если хочешь писать – жестоким надо быть не только с собой, но и с другими, с самыми близкими, с родными... иначе будет испорчен

каждый день. Испорчен ничтожными делами. И тексты будут рыхлые и нудные. Чтобы текст зазвучал – нужна полная свобода и одиночество. Безумие. Не школьное.

Я написал – «жертвоприношение», а правильное было бы написать «кровавая жертва».

И это не метафоры. С кровью придется отирать от себя все родное и близкое. Потому что текст должен владеть всем, а не родные или чужие. В первую очередь – владеть временем писателя. Потом и его любовью, эмоцией, памятью. Его телом, тоже превращающимся в текст. Только тогда начнут – как из тумана – выплывать абзацы, как будто выточенные из живого кристалла.

И единственной наградой будет – сам труд, сам текст. Все остальное не приложится никогда. Люди будут только травить... Даже самые близкие. Коллеги – завидовать и ненавидеть. Общество – презирать.

...

О немецкой тяге к самоуничтожению.

Прочитую разговор с моей подругой.

– Ты что, не понимаешь, что если в этом году приехало больше миллиона мусульман, то в следующем приедут два или три миллиона?

– Понимаю.

– Если понимаешь, почему не разделяешь моего ужаса. Ты же знаешь, что будет.

– А что такого ужасного будет?

– Будет хаос, вспышки насилия, кровопролитие на улицах, потом рухнет евро, будет плач и скрежет зубов... И немецкая цивилизация исчезнет и все другие европейские культуры исчезнут, везде будут только мечети и озверелые мусульмы... Еврабия. Они взорвут Кёльнский собор, они сожгут Дюрера и Кранаха в музее, они уничтожат все, что нам дорого.

– Мы сами все это сделали 70 лет назад.

– Исчезнет немецкая нация! Ты же дочь баронессы с 800-летней родословной, неужели тебе не жалко памяти предков?

– Исчезнет и бог с ней. Если мы останемся, то рано или поздно опять устроим фашизм...

...

А вот и маленькая иллюстрация.

Ехал я в эту новогоднюю ночь с моей немкой в трамвае домой из гостей. Где-то полвторого ночи. В трамвае ехали арабы. Из близлежащего «лагеря беженцев».

Громко играла арабская музыка – это они свои смартфоны так настроили.

Слышалась громкая речь. Грубая, чужая...

Я видел, как арабы назойливо липли к немецким девушкам. Не насиловали, не лапали, а как-то наскакивали... И гнусно ржали и кривлялись как обезьяны.

Все немцы мужчины – а их было человек восемь – ушли в другой конец вагона.

Я давно ношу нож в кармане. Я готов был его вынуть и начать убивать пришельцев. Но я конечно никого не убил. А дома моя немка – сочувствующая беженцам, переводящая им деньги... сказала мне: Ты так зло смотрел на эту веселящуюся молодежь... смотри, нарвешься.

...

О рассказе «Пальцев».

Главной мерзостью русской школы – была тотальная ложь о истории СССР, прошедшей и актуальной. Экзистенциальная ложь. Лажа. Из этой генеральной лжи выросли многочисленные побеги-метастазы. Советский ребенок чувствовал фальшь в каждом слове учителя истории или литературы. Но только единицы – стали потом диссидентами, сотни тысяч – эмигрантами, остальные, десятки миллионов – позволили бацилле советчины полностью сожрать свою совесть и мозги... превратились в чудовищ, которых вы и сейчас видите вокруг себя, дорогой В..

В этом небольшом тексте я сознательно не касался главного, чтобы не превратиться в эдакого назойливого антисоветчика, поводыря слепых. Хотя класс, мной описанный – это конечно модель СССР, в котором всегда кого-то успешно коллективно травили...

Но... тут не одно «осмысление через описание», не только «вытеснение через запись», «покаяние, исследование» и прочее занудство. Тут создание новых, автономных миров на фундаменте хорошо знакомого материала.

Еще раз подчеркну, материал в этом рассказе конечно знакомый, совковый, но смысл его переработки... цель... не социальная критика. Нет, тут ракета текста несется и несет читателя, строчка за строчкой, не в прошлое... прочь от него... а

перпендикулярно... в метафизическую, иррациональную мглу, являющую собой суть жизни, сущность, не поддающуюся определению.

...

Виктору К..

Сибирь забрала у меня отца – и теперь вашим великолепным чтением отдает мне долг. Этот рокот трущихся в стремнине камней, эта ледяная вода страшной речки... само небытие... и загробные видения... это то, о чем написан рассказ «Инес».

Ведь эмиграция – это жизнь после смерти. Попытка родиться вновь. Дыхание потустороннего я ощутил впервые тогда, осенью 1962 года. То, что я смог материализовать в тексте, вы смогли передать голосом. Почему нас не понимает читатель? Ведь впадение мертвых вод Стикса в нашу обыденность это не индивидуальное событие... нет, это происходит сейчас, на наших глазах... со всеми... об этом написано, и это надвигается и это слышно сквозь ваш голос. По-хорошему нас должны осаждать фанаты – но мы остаемся в пустоте... Это я заразил вас своим одиночеством.

...

У меня такое впечатление, что «время сарказмов» осталось где-то далеко позади, на брежневской кухне, а время «реальных действий» так и не пришло.

И бывшие советские люди висят в каком-то новом пространстве невежества, цинизма, отвращения, жестокости.

И это самое «обнуление» действительно произошло – где-то около 2000 года, как и предсказывали.

К сожалению – мои рассказы – это тоже явление из класса «сарказмов» – потому они и не воспринимаются современной российской публикой...

...

Вы ставите себя НАД схваткой, вы живете в теоретическом, почти математическом мире, для вас все человечество – это копошащееся под вами множество разделенных на группы муравьев, воюющих друг с другом, соперничающих, промывающих себе и другим мозги... Это модель для теории игр... но не человечество. В мире есть общества, имеющие добрые намерения, а есть – злые. В первых – есть люди, живущие счастливо, во вторых таких очень-

очень мало, люди там страдают и от своих властей и от собственной тотальной лжи. Путинская Россия – принадлежит к группе таких негативных обществ. Для меня – каждая новая ложь, каждая новая подлость, каждое новое убийство... совершенное людьми, говорящими на том же языке, на котором я пишу – это удар по моей совести и по моему телу и по моей писанине. Доказательство ее бессмысленности. Путинские гнусности – приносят мне реальные страдания. Как это ни помпезно звучит. Низкие дела других «международных игроков» – вызывают во мне возмущение, ярость... расстраивают, но не ранят.

Это судьба, и поделаться с этим я ничего не могу, был и остаюсь русским автором, воспринимающим все через свой телесный болван.

Я перенес в тексте «Вторжения» донбасские ужасы – известные мне из непосредственных комментариев живущего в Донецке приятеля – на Берлин, на себя...

В тексте повести есть однако – возможно не достаточно явные намеки на то, что ВСЕ, там описываемое, с самого начала (написанного в подчеркнуто, квази-протокольном, псевдо-документальном стиле) и до вполне сюрреалистического конца (герой прячется в картину Босха) – это особый вид самозащиты автора от наступающего хаоса, ползущего с востока и с юга...

Разумеется, солдаты всех национальностей во все времена ведут себя на оккупированных территориях одинаково: грабят, убивают, насилуют. Так вели себя немцы в Украине. Японцы в Китае. Также вели себя советские в оккупированной Германии. Различия в интенсивности подобных зверств – происходят не из-за доброй или злой природы отдельных народов – во зле все равны – а исключительно от мероприятий командования по установлению дисциплины, порядка, законности. Там, где локальные начальники бездействовали – там воцарялся ад.

Мое описание «зверств» путинской армии в Берлине – выверено, продумано. По сути герой «испытывает на себе» только хаотическую стрельбу перепившихся победителей по полупустым жилым домам. Именно так вели себя путинцы в Донецке-Луганске, стреляли по городу для запугивания жителей, а сваливали все на украинцев. И описанные мной грабежи – тоже реальность именно Донецкая. Так называемые «сепаратисты», в штатском и в форме, ограбили все банки, все

магазины дорогих товаров, владельцы которых не успели вывести свое добро. Так что никакого «Голливуда» в этом тексте нет, а есть только перенесенные на Берлин реалии отвратительной бойни, устроенной путинской армией в стране-соседе.

...

Ответ придирчивому читателю.

Да, у многих моих литературных героев нет «внутреннего мира». Прогорел. Пропит. Провран. Раздавлен. Нет и развития личности, только хроническая деградация. Нет и эмпатии. Мира нет, есть мирок. Простой, как коробок спичек. В этом мирке – у кого страхи, у кого похоти, у кого дурь, деньги, водка... И единственное, что делает этих особей людьми – страдание и смерть.

...

Переводчику.

Время прошедшее и настоящее, глаголы совершенного и незавершенного действия – я мешаю вполне сознательно. Этот микс должен создавать особенный гротескный эффект «туннельного текста» (по которому автомобили ездят в разные стороны). Понимаю, что это по-немецки трудно передать. Или невозможно. Поэтому, прошу вас переписать эту главу по-немецки так, чтобы было читабельно.